

Татьяна Щурова

«...Мне был праздник дарован...»

Марина Дмитриевская (слева) в отделе искусств
ОННБ с сотрудницей отдела Эммой Бойко.
Март 2010 г.

Обычно для нашей рубрики мы выбираем из фондов ОННБ редкие периодические и книжные издания двух предыдущих веков, уже действительно ставшие сокровищами и библиографической редкостью. Но не будем обижать век нынешний. За два минувших десятилетия случилось много незабываемых встреч, радостного общения с удивительными людьми и их талантливыми книгами, сокровищами наших дней.

Окунемся в воспоминания 2010 года. На конференции в ОНМА имени А.В. Неждановой «200 лет театральной жизни в Одессе»

впервые довелось услышать блестящее профессиональное выступление Марины Дмитриевской. Тогда же мы познакомили ее с нашим отделом искусств и коллекцией редких изданий по истории театра. Искреннее ее восхищение было понятно. Марина Юрьевна Дмитриевская – известный театральный критик и театровед, профессор, создатель, редактор и директор «Петербургского театрального журнала» (входит в пятерку лучших театральных изданий Европы); с 2004 года арт-директор фестиваля «Пять вечеров» имени Александра Володина. Тогда же она подарила нам несколько номеров журнала, а вскоре, воспользовавшись приездом

на фестиваль артистов Одесского русского драматического театра, передала с ними большую коробку, где помимо журналов были еще ее авторские книги: «Театр Резо Габриадзе» (2005) и сборники воспоминаний «О Володине» (составитель М. Дмитриевская, 2006, 2007), вышедшие в серии «Библиотека ПТЖ».

Что сказать? Первым было чувство благодарности автору за выбор героев книг, людей много одаренных, сумевших, по большому счету, быть свободными и независимыми от системы, занимавшими в наших душах несколько десятилетий большое и особое место. Марина Юрьевна признается, что писала свои книги «с ощущением счастья» и, нужно сказать, сумела передать это состояние читателям.

Резо Габриадзе, драматург, режиссер, художник и скульптор, известен как сценарист более 35 фильмов (!), среди которых «Не горюй!», «Мимино», «Чудаки», «Кин-дза-дза!», «Паспорт». В 1981 году он основал Тбилисский театр марионеток, который очень быстро завоевал популярность. Впервые в Одессу Габриадзе привез свои театральные работы в апреле 1988 года. Мы сохраняем программки спектаклей и вырезки из газеты «Вечерняя Одесса» с публикациями Евгения Голубовского – интервью с режиссером и рецензией, где он, в частности, писал: «Давно ждали любители искусства Одессы встречи с этим человеком и с созданным им театром. Ожидания сбылись и убедили: здесь каждый спектакль – праздник, нежный, мягкий, немного грустный, но всегда необыкновенно человечный...». Очень быстро Резо Габриадзе стал своим в нашем городе. Одесса не раз принимала его театр марионеток.

1 апреля 1995 года в Саду скульптур во дворе Одесского литературного музея был открыт «Памятник всемирно известному герою одесских анекдотов Рабиновичу» работы Габриадзе, положивший начало галерее

шуточных бронзовых изваяний. Кто-то, наверно, помнит выставку его графики «Пушкин и дельфин» в Одесском музее западного и восточного искусства (1995). В том же году Габриадзе стал почетным членом Всемирного клуба одесситов.

В книге Дмитревской о Габриадзе подзаголовок: «История тбилисских марионеток и беседы с Резо Габриадзе о куклах, жизни и любви». Они дружат много лет. С 1992 по 1996 гг. в журнале существовала рубрика «Театр Резо Габриадзе». Это были сложные годы в жизни мастера. Он уезжал в Европу, ставил там спектакли, вернулся, на короткое время возглавил Театр Образцова (трагическая ошибка, как все считают). В эти годы они с Мариной Дмитревской переписывались, при встречах вели долгие разговоры, она писала о его работах. Так постепенно собиралась эта необыкновенная книга, наполненная множеством рисунков – не про-

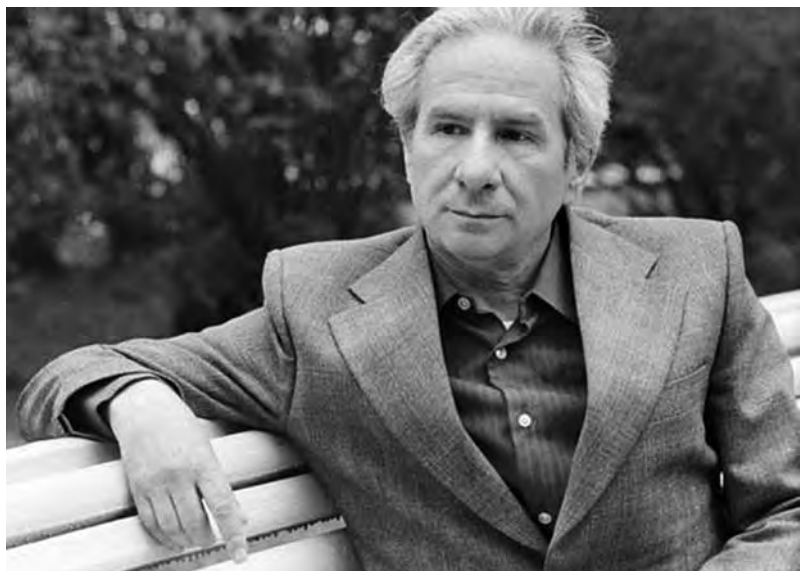

Памятник Рабиновичу в Саду скульптур
Одесского литературного музея

думанных, моментально рожденных. Они помогают войти в атмосферу рассказов Резо, сочетающих фантазию и воспоминания, рассказанных с улыбкой и грустью, в них трогательное признание в любви людям из детства. А не так давно мы убедились, как замечательно дополняет книгу о Резо Габриадзе анимационно-художественный фильм «Знаешь, мама, где я был?» (2018), сделанный сыном мастера Леваном с равным участием самого Резо, в кадре рассказывающего свои удивительные истории и тут же иллюстрирующего их. Книга и фильм сохраняют неповторимую живую речь Габриадзе. А с каким тонким пониманием описывает автор книги суть его творчества:

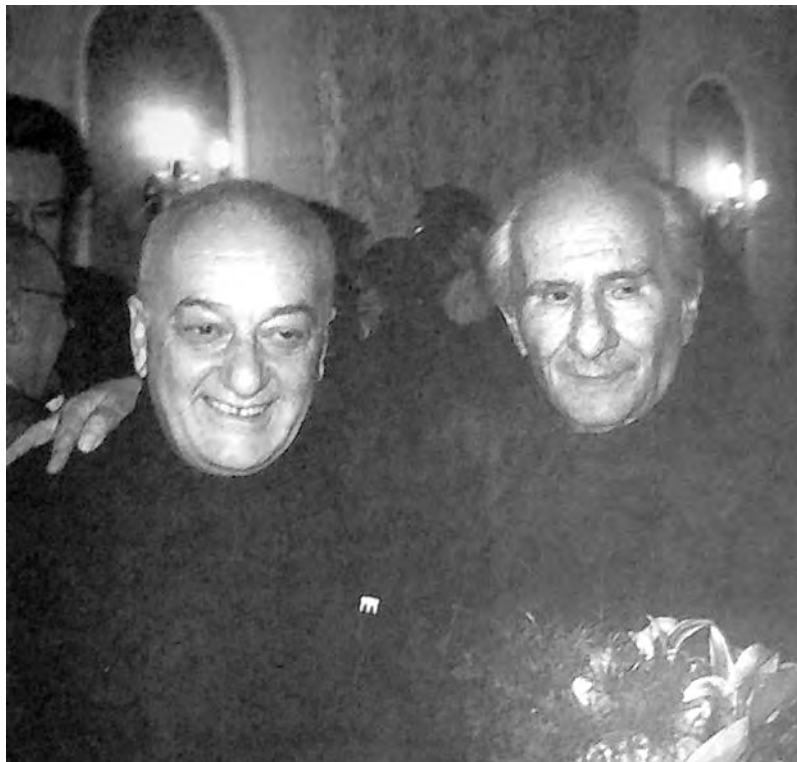
Э. Штейнберг, Е. Голубовский, Г. Исаев, В. Хаит, Р. Габриадзе на открытии памятника Рабиновичу.
1 апреля 1995 г.

Александр Володин

«Уникальность искусства Резо, лечившего своими спектаклями наш эмоциональный склероз, реанимировавшего истощенные будни, составляла редкая способность помнить минутные впечатления... и будить в нас заснувшую память на микроощущения жизни, детства...». И еще: «Внедряться в жизнь, наслаждаться ею, мять ее, как глину; затрачиваться на нее – и тогда она ответит тебе тем же, вернет сторицей освоенное – в этом долгие годы была суть этически-эстетических отношений Резо Габриадзе с действительностью».

Марине Дмитриевской повезло быть близким другом Александра Володина (1919–2001). Уверены, многие знают творчество этого удивительно талантливого, «пронзительного» драматурга, сценариста, поэта, прозаика и не забыли спектакли и фильмы, поставленные по его произведениям, которые, как считается, «были новой точкой отсчета правды на сцене и на экране. С него началась новая интонация...». Согласитесь, вы до сих пор помните «Фокусника», «Слезы капали», «Старшую сестру», «С любимыми не расставайтесь», «Пять вечеров», «Осенний ма-

Р. Габриадзе и А. Володин на церемонии вручения «Золотой маски». 1997 г.

рафон», «Ящерицу», «Две стрелы». Жаль, что его пьесы почти не шли на одесской сцене. Пожалуй, исключение составил спектакль «Две стрелы» в Одесском театре юного зрителя, поставленный в начале 1980-х годов талантливым режиссером Владимиром Тумановым и оформленным Михаилом Борисовичем Ивницким.

Когда Володина не стало, все чаще произносилась фраза: «Ушел последний свободный человек». Марина Дмитриевская поняла, что постепенно память о нем будет выветриваться, уйдет то, что помнилось, пока он был жив. И она сумела собрать две книги воспоминаний о Володине, куда, в частности, вошли тексты

А. Володин. Рисунок и скульптура Р. Габриадзе

известных людей театра, кино, литературы, с которыми он работал и дружил. Вторая книга, кстати, оформлена рисунками Резо Габриадзе. В одном из интервью Володин сказал: «Все, что я делал в жизни, – я писал про земное, но обязательно с внутренним ощу-

щением чего-то высшего...». Он искренне писал и о себе. М. Дмитриевская считает, что он «бесстрашно обнародовал и сделал достоянием искусства две свои личные драмы: «Осенний марафон», фильм на все времена, воплотил его «горестную жизнь плута», а «Записки нетрезвого человека» в традициях русской литературы узаконили идеологию пьянства как освобождения». В книгах много замечательных слов о нем, хочется привести несколько цитат и текст выступления Михаила Жванецкого на презентации одной из книг Александра Володина.

А. Володин с Р. Габриадзе и его женой Еленой Захаровной на церемонии вручения «Золотой маски». 1997 г.

- Потому что знает точно то, о чем тоскуем мы... (Булат Окуджава).
- Человеческая истинность. Сейчас мало людей с такой способностью к сомнению, к самоиронии, хотя их всегда были единицы... (Галина Волчек).
- Он не верил в дарованные сверху свободы, потому что знал, что истинная свобода завоевывается каждым внутри себя... (Сергей Коковкин).
- В нем такая независимость была от жизни, от возраста, от нашей системы. Высшая степень искренности... Поражало его стеснительное отношение к своему творчеству и абсолютное восхищение другими художниками, превознесение талантов коллег... (Станислав Любшин).
- В тихом и очень застенчивом человеке – настоящая бойцовская душа. Всегда собственная, личная позиция... (Кирилл Лавров).

Михаил Жванецкий

Володину

Александр Моисеевич Володин.

Твои попытки жить незаметно ни к чему не привели.

Ты живешь и будешь жить очень незаметно.

Ты населил наши души старшей сестрой и осенним марафоном.

Если интеллигенции не станет, ее будут изучать по тебе.

Это он, это ты, это я.

Облепленный беспомощными женщинами и беспомощной страной.

Эта страна была беспомощной раньше, вместе со всеми своими танками, и потом, без всех своих танков.

Бедные и нерешительные облепили одного такого же бедного и нерешительного, которому что-то дал Бог.

И он волок на себе всю жизнь.

Неумение сказать «нет» приводит к такому количеству детей, друзей и сослуживцев, что только врач может освободить либо тебя, либо их.

Эта фотография сделана в Концертном зале у Финляндского вокзала на презентации книжки А. Володина «Попытка покаяния», где М. Жванецкий произнес этот текст

Всю жизнь думаешь, как это все собрать, в конце мучаешься, как это все раздарить.

Александр Моисеевич!

Мы сделали главное – мы дожили до перемен и пережили их.

Но новая жизнь не может наступить.

Ей мешают лица.

Лица, которые мы видим.

Саша! Что смешно – это то, что ты делаешь все, чтобы тебя забыли.

А они не могут – и всё!
Лекарство можно забыть принять, но что будет?!
А кто-то хочет, чтоб его помнили.
А его, его видят и не вспоминают.
Какое открытие ты совершил в «Осеннем марафоне»!
Ты описал себя, а открыл нас.
Каждый увидел.
Каждый принял.
Это величайшая комедия нашего века.
Это открыл ты.
Теперь делай все, чтоб тебя забыли.
А мы не захотим, и будет великий судебный процесс.
Народ России против Александра Володина.

Тексты воспоминаний в этих сборниках органично перемежаются стихотворениями Володина, раскрывая и дополняя представление о личности этого неповторимого человека и творца.

* * *

Надо следить за своим лицом,
чтоб никто не застал врасплох,
чтоб не понял никто, как плох,
чтоб никто не узнал о том.
Стыдно с таким лицом весной.
Грешно, когда небеса сини,
белые ночи стоят стеной –
белые ночи, черные дни.
Скошенное – виноват!
Мрачное – не уследил!
Я бы другое взял напрокат,
я не снимая его б носил,
я никогда не смотрел бы вниз,
скинул бы переживаний груз.
Вы оптимисты? И я оптимист.
Вы веселитесь? И я веселюсь.

* * *

Ты осветила все, что было прежде,
задолго до тебя,
таким весенним,
таким широким светом!
И при свете,
как в позабытом школьном сочиненье,
рассеянно исправила ошибки:
уступчивость мою – на Доброту,
неправоту мою – на Правоту...
Погасишь свет – и станет так темно!
И все ошибки – на своих местах.

* * *

А легко ль переносить,
сдерживать себя, крепиться,
постепенно научиться
в непроглядном рабстве жить?
И навеки кротким стать,
чтоб не выйти из терпенья,
угасая постепенно,
и смиряться, и прощать?
Мол, дотерпим до зимы...
Проползли ее метели.
Так до лета неужели
как-то не дотерпим мы?
А потом до той зимы...
А случится, и до лета,
ну, случится, до тюрьмы
(где-то в смысле шутки это).
И не то перетерпели!
Ведь не мы одни. Теперь
терпят все – и те и эти,
но доколе так терпеть и
сколько можно так терпеть!
Мол, дотерпим до зимы...
Проползли ее метели.
Так до лета неужели
как-то не дотерпим мы?..

* * *

Погода, плохая погода,
неуравновешенный век.
Мы вниз опускались полгода,
а где же полгода, чтоб вверх?

Запросы покорно понизив,
согласны на осень, на снег...

На разные беды – полжизни.
А где же полжизни на смех?

* * *

Нас времена всё били, били,
и способы различны были.
Тридцатые. Парадный срам.
Тех посадили, тех забрили,
загнали в камеры казарм.

Потом война. Сороковые.
Убитые остались там,
а мы, пока еще живые,
все допиваем фронтовые
навек законные сто грамм.

Потом надежд наивных эра,
шестидесятые года.
Опять глупцы, как пионеры,
нельзя и вспомнить без стыда...

Все заново! На пепелище!
Все, что доселе было, – прах:
вожди, одни другого чище,
хапуга тот, другой, что взыщешь,
едва держался на ногах...

* * *

Необходимо ль твердым быть?
Необходимо ль честным слыть,
прекрасно ль голову сложить,
неправоту разоблачая?
Не знаю.

Время беспощадно, но
сильно и много дарит.
Наше искусство, оно
облагораживает. Сколько
раз мы на миг забывали
мам то ни чуждыми,
нашой, табуретной
покрытой патинами
времени. Но когда
оно коснется того что
изначально было рождено
благородными, мы забываем
как перед совершенным

нужным как воздух. Мне кажется,
что Володин и все что он создает
навсегда останутся с нами.

Наиболее благородным является
срезмерность. Но им владеют
только избранные.

Володин-драматург владел им
в совершенстве

Потому он всегда будет жить
в театре.

Резо Габриэли

И надо ли, меня прости,
другим прокладывать пути,
чтоб было проще им идти,
когда в душе дыра сквозная
и самому невольно
преодолеть дорогу ту?
Не знаю.

* * *

Правда почему-то потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда.
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Любям она почему-то нужна.
Хотя бы потом...
Почему-то потом!

* * *

Свой крест все тяжелей нести.
А память свод грехов листает.
Жизнь прожита почти...
Почти!
Вперед вгляжусь – а там светает.

* * *

Так беспокойно на душе.
Умнее быть, твержу, умнее!
Добрее быть, твержу, добрее!
Но мало времени уже.

Марина Дмитриевская не бросает своих героев. В 2019 г. вышла ее новая книга о Резо Габриадзе. Кстати, в июне нынешнего года ему исполняется 85 лет. С 2004 г. усилиями небольшой группы энтузиастов во главе с М.Ю. Дмитриевской регулярно организуется и проходит театральный фестиваль «Пять вечеров» имени Александра Володина. А Резо Габриадзе отлил в бронзе миниатюрную фигурку Александра Моисеевича, подарив ее фестивалю...

